

Томский государственный университет
Российский фонд фундаментальных исследований

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ
И ФИЛОСОФИИ

Сборник научных статей
по материалам Всероссийской научной конференции,
проведенной философским факультетом
Томского государственного университета
25-26 мая 1999 г.

Издательство «ВОДОЛЕЙ»
ТОМСК — 1999

Раздел 2

ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ В XX В.: В ПОИСКАХ ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ

Г. И. ПЕТРОВА

Современные трансформации философского фундаментализма

Приговор философскому фундаментализму вынесен. «Логоцентризм» (Ж. Деррида), «метанарративизм» (Ж. Лиотар), «методопоклонство» (Р. Рорти) — далеко не полные квалификации философии, базирующейся как на фундаментальной стратегии на принципе трансцендентализма. Метафизические системы — внеисторичные и вечные, предлагающие Абсолют и построенные властным инстинктом разума, рассыпаются (*differance* — Ж. Деррида), уступая место калейдоскопической полифонии ризомы и доксы. Собрать множество «жизненных миров» (Э. Гуссерль) в единую и «предустановленную гармонию» уже не в силах никакие базисные структуры типа «Мирового Духа» Гегеля или «производственных отношений» К. Маркса. Процессуальность, «вечное становление», постоянное движение, «мерцание», «маргинальность», «пульсация» становятся философской прерогативой вместо надежной гармонии «модернистского проекта» (Ю. Хабермас). Философия теряет свойство фундаментального указания и системного собирания, и потому требуется новая, адекватная современности проработка исследовательской позиции в отношении самой возможности философского фундаментального обоснования знания в его новой форме — гипотетичного, концептуального, проблемного и т. п. — или культуры и ее различных сфер. Такое в известной степени подчиненное положение науки и культуры было следствием классической метафизической установки, классического понимания метафизики как внеопытной, отходящей от жизни науки, изучающей первоначала, то есть постигающей всеобщее, целое, существенное. Метафизика в классике — регион Абсолюта, откуда «спускается» Истина, чтобы обосновать мир эмпирии. Классика представляет метафизику в прямом смысле фундаментом теоретической и практической деятельности и жизни в целом. Именно этот фундаментализм обуславливал ее указательную позицию.

Надо, однако, заметить, что специфическая позиция и отличительная характеристика классической философии состояла в том, что, констатируя и закрепляя свой интерес в сфере метафизической и отказываясь видеть сущее в натураль-

ности своего субстрата как физическую природу, она тем не менее связывала свою трансцендентальную область с предельными основаниями сущего, которые творили мир хоть и из предельной, но все же предметности. Эта предметность выступала в форме всеобщности, а философский вопрос, адресованный сущему, приобретал вид «что» (оно есть в его предельных основаниях)? Он был направлен на «чтойности» сущего, и ответ по необходимости должен был быть гносеологическим. Содержа в себе эпистемологическую истину, он рассматривался в качестве фундамента, базы любой научной концепции, теории или человеческой деятельности. Философские основания от классики поэтому имели фундирующий характер. Наука и культура испытывали непосредственную власть философской базы, основы, на которой создавались адекватные замкнутые, строго логичные системы. Философия основывала, держала их здания.

Современная философия деконструировала классическую метафизику. Основная причина метафизической деконструкции заключается именно в том, что философский вопрос («что?»), заданный сущему, не предполагал «продумывания» того, «как сущее открывает себя» [1. 27]. Поскольку классическая метафизика предстает основой, фундаментом, «почвой», она претендует на тотальную детерминацию и не предлагает свободу средств, форм и путей открытия бытия, не считается с живой тайной сущего. Но чтобы узнать, что там таится, необходимо отказаться от классической диктующей и тотально детерминирующей метафизической позиции. Такой отказ и осуществляется в деконструкции.

Отказ и деконструкция, однако, не означают полного разрушения, но полагают создание нового варианта фундаментального основания. В неклассическом варианте метафизика устраняет функцию трансцендентального Абсолюта, в границах которого должно было истолковываться сущее, и обращается в сторону живой и исторической, конкретной и повседневной работы человеческого сознания. Из отчужденной от человека в горнее, надвременное и вечное она превращается в антропологически близкую. Философский фундаментальный принцип трансцендентализма оказывается совместимым с антропологизмом. В связи с этим современная философия меняет ракурс воззрения на сущее. Вопрос «что» (оно есть в его предельных основаниях?) уступает место вопросу «как» (сущее полагается человеческим сознанием?). В результате возникла новая философская реальность, которая свою трансцендентальную сферу ищет не в «чтойности» предметности и объективности мира (самого по себе), но в способах его полагания сознанием. Способ полагания есть внепредметный предмет современной философии. Если классика философской традиции строила онтологию сущего, то неклассическая философия создает онтологию сознания.

Изменение философского вопрошания становится чрезвычайно важным для трансформации обосновывающей, фундирующей функции философии, ее указующей позиции по отношению к культуре, науке, социальности, — всем сферам жизни, для которых она строила фундамент. Та новая реальность, которая открывается перед философией — реальность не предметной «чтойности», но транс-

цендентальной сферы человеческой субъективности, — эта новая реальность принципиально теряет свойство быть основой (фундаментом) чего-либо. Рефлексивная сфера человеческой субъективности безосновна и чисто интеллигибельна. В таком качестве философия не может стать фундаментом — не фундирует науку, культуру, социальность и т.п. Поэтому все эти сферы сегодня пересматривают свое отношение с философией. Они потеряли фундамент «чтойности» и оказываются вынужденными переориентироваться тоже на реальность «как», то есть они перенимают сугубо классическую философскую позицию.

Уход философии от обращенности к предельным основаниям сущего, потеря интереса к онтике, с одной стороны, обратили философию к живой и конкретной области — работе человеческого сознания (где бы оно себя ни проявляло — в науке, в искусстве, культуре, литературе, в анализе языка и т.п.), а с другой — сами эти области, встречаясь с философией, перенимают ее критериальные характеристики рефлексивности и трансцендентализма, следовательно, то, что ранее фундировало знание, сегодня квалифицирует его изнутри. В этом смысле, то есть перенимая философскую позицию, названные области приобретают и философскую насыщенность. Поэтому о науке больше нельзя сказать, что она «не мыслит»¹.

В такой ситуации тезис о фундаментализме философии если и остается, то уже понимается не в плане фундаментального диктата, осуществляемого со стороны философии, ее позиции быть «сверх» и «над» предметной эмпирии, науки, культуры, искусства и т.п. Все они сами как бы становятся философией, сами себя продумывают, основывают, сами над собой работают, не прибегая к устойчивому и предлагаемому философией фундаменту.

Отсутствие философского диктата и тотальной обоснованности научных концепций или любых форм человеческой деятельности не означает, однако, маловажности философских оснований и философской фундаментальной обоснованности. Дело не в снижении или отрицании роли этого фактора, но в возникновении его нового, неклассического варианта. Главное отличие неклассического варианта философского фундаментализма — отказ от тех онтологических предпосылок, которые исходили из властного инстинкта разума, реализующего себя в формировании метафизических систем. Отказ от этого инстинкта и снятие необходимости метафизики вызвало новые онтологические предпосылки, предлагающие строить процедуру обоснования на той мудрости, которая исходит не из истины горнего, вечного и трансцендентального, но из мудрости повседневности. Не случайно поэтому в современную философию вошли и активно заявили о себе две в прошлом никогда не имевшие философский статус, но сегодня оказавшиеся в центре философской теоретической жизни проблемы — проблемы повседневности и телесности.

1 Так говорил о классической науке, работающей в предметной сфере и пользующейся готовыми понятиями, в которых уже проделана философская работа, М. Хайдеггер.

Обе они свидетельствуют об отходе от классического фундаментализма и необходимости метафизической обоснованности. И обе заявили о новой необходимости: необходимости обратить философию от холодного и «чистого» трансцендентального «Я» к живому, конечно-временному и не отвергающему нужды телесности человеку. Смена онтологических оснований повлекла за собой следующие трансформации в философии. Главный «герой» классики «чистое сознание» уступило место исторической природе разума, Абсолют истины — «конфликту интерпретаций» (П. Рикер), единство онтологии — плюрализму сосуществования субъективных онтологий. Главная классическая проблема — проблема гносеологическая — претерпела онтологический разворот, когда философский интерес был обращен в большей мере к *sum*, чем к *cogito*. Бытие предстало доступным не только чистому разуму, но и внерациональным способам его достижения. Все это актуализировало новые направления в философии, среди которых (в плане указанных трансформаций) особенно выделяются герменевтика (предложившая «герменевтическую прививку к разуму» — П. Рикер), экзистенциализм (указавший на возможность бытия, достижимого через заботу человека о себе), аналитическую философию (увидевшую человека в коммуникативно-языковом пространстве). Несмотря на разные исходные основания и логическую аргументацию названных направлений, можно констатировать, что все они повернули философию к человеку повседневности: телесному, общающемуся, находящемуся в диалоге с Другим. Так извечно главная философская гносеологическая проблематика совершила антропологический поворот и, что важно в плане интересующей нас проблемы трансформаций философского фундаментализма, сделала трансцендентализм антропологически близким.

Так возник новый вариант метафизичности и трансцендентализма, а следовательно, и новый вариант философского фундаментализма. Трансформации этого принципа состоят, таким образом, в том, что он больше не указывает на фундамент (фундаментальное основание), но его фундирующая роль определяется указанием на первичность повседневного человеческого существования как ту фундаментальную онтологию, где со-присутствуют самые различные онтологические построения (конфликтующие и уживающиеся, конструкции не только разума, но и понимания, чувствования, вживания, деконструирования и т.п.). Онтология потому и фундаментальна, что она стала антропологичной¹.

Новый вариант фундаментализма влечет за собой и новую постановку проблемы философского обоснования. Обоснование сегодня не может исходить из «чистоты» сознания, бытия, атопийного гносеологического субъекта и трансцендентального «Я»; оно строится на историчности и повседневности человека, находящего себя и свое бытие в коммуникативном пространстве жизни.

1 См. рассуждения В. Библихина о философии М. Хайдеггера, который хотел создать фундаментальную онтологию, но ход его философской мысли привел к философской антропологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Введение к «Что такое метафизика?» // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993

Статья опубликована при поддержке РФНФ.
Грант № 98-03-00053.

В. Н. СВИСТУНОВ

Дуализм новоевропейского знания

Новоевропейская наука в лице Галилея и его последователей совершила открытие, ставшее «рогом изобилия» современной технологической цивилизации. Оно состоит в утверждении, что поведение природы будет более предсказуемо, если думать о вещах, как о теоретических (ментальных) конструктах, а не размышлять о них в духе аристотелевской (мета-)физики — анимистически, телеологически, антропоморфически. То есть власть над Вселенной становится неограниченной, если думать о ней как о бесконечной, холодной и некомфортной, нежели воспринимая ее как конечную, domesticiрованную, с заданным планом и соотношенную с человеческой судьбой.

В чем секрет успеха этого открытия? Ответ, даваемый философией Нового времени, был метафорическим: галилеевской науке удалось открыть язык, на котором говорит сама Природа. Это значит, что слова Галилея «Книга Природы написана на языке математики», подразумевают не просто тот факт, что математический словарь оказался работающим, а то, что он оказался рабочим, потому что вещи таковы на самом деле. Этот словарь — ключ к замку Вселенной. И одновременно этот словарь — невыносимая проблема для философии, которая так и не смогла придать какой-то смысл понятиям «работающий словарь» и «вещи как они есть на самом деле».

Эта проблема передавалась по цепочке Декарт–Локк–Беркли–Юм и привела к совершенно безнадежной ситуации, выраженной в предположении Канта считать, что ключ работает только потому, что мы, сами того не зная, располагаем замком, сконструированным специально под этот ключ. Стало быть, никаких «естественных» секретов у мира нет. И это дает возможность самим создавать миры посредством создания новых словарей. Так множатся науки, возникает философия культуры и закладываются все отличительные признаки «неклассических» представлений о мире.

Все это происходило на фоне непрекращающихся попыток изолировать науку от не-науки с помощью понятий «строгость», «метод», «объективность». Фило-